

— ... — Линь Чаошэн помолчал пару секунд. — И что?

Ли Чжи по-прежнему улыбался. — Не все созвездия знаю, но есть приложение, которое покажет. Скачай.

— Ладно... Но почему ты так улыбаешься?

Ли Чжи снова расплылся в улыбке, глаза заблестели, будто в них отразились звёзды. — Ты чем-то на мою двоюродную сестру похож.

Ли Вэньцзинь ушёл в обход, когда небо только светлело, и на нём ещё висел тонкий серпик луны. Линь Чаошэн, спавший в гостевой, услышал, как хлопнула дверь и кто-то зашуршал. Он спал чутко, малейший шум будил его. Взглянул на телефон — не было ещё и пяти.

Накануне они с Ли Чжи спустились с крыши глубокой ночью. Ли Вэньцзинь развалился в гостиной перед телевизором. Проспав весь день, он ничего не ел и, завидев Ли Чжи, завопил: «С голоду помираю! Завтра в четыре на смену!» — и велел ему чего-нибудь приготовить.

Ли Чжи замер на мгновение, ничего не сказал и прошёл на кухню. Ли Вэньцзинь обернулся к Линь Чаошэну, спросил, не хочет ли тот ещё поесть, но Линь Чаошэн отказался — мол, уже наелся. Когда Ли Чжи вышел с тарелкой лапши и увидел, что Линь Чаошэн всё ещё в гостиной, он вспомнил, что забыл сказать тому, где приготовлена комната.

Ли Вэньцзинь прогнал их спать: «Сам помою, телик досмотрю. Поздно уже, идите спать». Ли Чжи открыл было рот, но, помедлив, лишь бросил: «Ладно, осторожнее там», — и ушёл к себе.

«Посплю ещё», — подумал Линь Чаошэн, но едва закрыл глаза, как снаружи снова залились собаки. У Ли Чжи, кажется, собаки не было — откуда же лай? Ломал голову, но так и не сообразил. Собаки выли без умолку, к ним присоединились петухи — сна как не бывало. И почему вчера утром он этого не слышал?

Он ещё немного полежал с открытыми глазами, потом встал, стараясь не шуметь, и пошёл умываться. Возвращаясь, проходил мимо комнаты Ли Чжи и услышал глухой удар — будто что-то тяжёлое рухнуло на пол. Линь Чаошэн вздрогнул, подошёл и постучал:

— Ли Чжи?

Прошло секунды две, прежде чем из-за двери донёсся сонный, глухой голос:

— ...Всё нормально... Телефон упал.

Линь Чаошэн уже собрался уходить, как в комнате зашуршали шаги, и дверь со скрипом открылась. Ли Чжи стоял в деревянных шлёпанцах, в майке и шортах, обнажая стройные белые руки и ноги. Волосы были взъерошены, несколько прядей торчали вихром.

Линь Чаошэну стало неловко. — Я тебя разбудил?

— Нет, — Ли Чжи зевнул и потер глаза. — Я и так плохо спал.

Ему снился кошмар — обрывки снов. Сначала бескрайний осенний лес, Ли Вэньцзинь, падающий в груды жёлтых листьев. Он бросился его поднимать и увидел — на бурой земле, на пожухлой листе запёкшаяся кровь. Потом ему снилось, как он сам прыгает с крыши, а его тень на земле — без начала и без конца.

— Пойду умываться, — Ли Чжи, не проснувшийся до конца, побрёл вперёд, не глядя под ноги, споткнулся и чуть не упал, но Линь Чаошэн подхватил его за талию.

— Осторожнее, — Линь Чаошэн отпустил его, лишь когда тот устоял.

— М-м... спасибо, — Ли Чжи наконец пришёл в себя, лицо было бледным.

Линь Чаошэн отправился на кухню и приготовил завтрак из того, что нашлось. Когда еда была готова, из ванной вышел Ли Чжи. Кажется, он помылся — от него пахло влагой, волосы стали мягкими, кончики ещё мокрые, но выглядел он уже лучше.

Увидев на столе ямсовую кашу с пшеном и картофельный омлет, он замер, потом посмотрел на Линь Чаошэна. — Это ты приготовил?

— А кто же ещё? — Линь Чаошэн усмехнулся, глядя на его ошарашенное лицо. Впервые он видел, чтобы Ли Чжи выглядел так растерянно. — Фея-заступница?

Ли Чжи хмыкнул, глаза сузились. — Фея-юноша, скорее.

— Богато, — сказал Ли Чжи, садясь за стол.

— Это богато? — Линь Чаошэн посмотрел на скромную трапезу. — Глаза разуй.

Ли Чжи взял палочки. — Для меня — да. Если я один, обычно завтракать не буду. Леню и готовить, и есть.

Позавтракав, Линь Чаошэн собрался в обратный путь. Он несколько раз отнекивался, говоря, что не стоит беспокоиться, но Ли Чжи настоял на том, чтобы проводить его до остановки на серпантине.

Утренний свет был ещё слабым, солнце только показывалось из-за горизонта, а лужи от вчерашнего дождя уже высохли.

Идти по горной тропе стало легче. Кругом ни домов, ни людей. Линь Чаошэн шёл следом за Ли Чжи и спросил:

— На гроте, кроме вас, ещё кто-то живёт?

— Есть, но всего несколько семей, да и те разбросаны. Большинство — у подножья, — Ли Чжи махнул рукой на юго-запад. — Вон там, но отсюда не видно. Сколько увидишь.

Когда они добрались до остановки, до первого автобуса оставалось почти час.

Рядом с остановкой был цветочный рынок, и, раз время позволяло, Ли Чжи предложил прогуляться. Линь Чаошэн согласился.

После горной тишины здесь царил оживление. Народ сновал туда-сюда, крики торговцев, торг, рёв мопедов и мотоциклов — всё смешалось в один гул.

Они пробирались по узкой дорожке между рядами, и Ли Чжи между делом пояснял: это самый крупный в городе Линьчуань цветочный рынок, сюда за товаром съезжаются все окрестные лавки.

Одни продавцы были профессиональными цветоводами с гектарами плантаций, другие —

мелкими сборщиками, что сами ходили в горы, а потом привозили сюда свой товар на трёхколёсных тележках, чтобы подзаработать.

Ли Чжи остановился у одного лотка. За прилавком стояла пожилая женщина, спиной к ним, пересчитывая цветы в тележке.

— Бабушка, — окликнул Ли Чжи.

Старушка, сгорбленная, в глубоких морщинах, с землистым лицом, обернулась и просияла. — А, Сяочжи.

Ли Чжи наклонился, улыбаясь. — Бабушка, рано сегодня.

Старушка оживилась, затараторила: какие цветы сегодня нарвала, какие после дождя лучше пошли.

— Сяочжи, это друг? — вдруг спросила она, заметив высокого парня за спиной Ли Чжи.

— Да, — кивнул Ли Чжи.

— Красивый парень! — одобительно сказала старушка.

Линь Чаошэн смущённо улыбнулся и взглянул на Ли Чжи. Тот скользнул глазами по тележке, взял один букет. — Этот возьму.

Достал телефон, отсканировал QR-код, приклеенный к сиденью. Раньше старушка брала только наличные, этот код Ли Чжи как-то распечатал для неё в типографии.

Каждый раз, поднимаясь или спускаясь с горы, он заходил к ней за цветами. Сначала она от денег отказывалась, но Ли Чжи сказал: «Не возьмёте — пойду к другим», и она сдалась.

Купив цветы, они попрощались и пошли обратно к остановке другой стороной.

Линь Чаошэн, видевший, сколько Ли Чжи заплатил, только сейчас высказал удивление:

— Всё это — и всего десять юаней? Да это почти даром!

— Это у тебя какой-то особый способ округлять? — Ли Чжи, несший цветы, завернутые в пупырчатую плёнку, усмехнулся. — Но здесь и правда дешево. В городе за такой букет десятки бы содрали.

Линь Чаошэн кивнул. — Бабушку давно знаешь? — Судя по тому, как они общались, он было подумал, что это родственница.

— Да, — сказал Ли Чжи. — Муж у неё давно умер, жила с сыном. Сын был ровесником моего отца, тоже гору охранял. Потом на обходе несчастье случилось, и... она одна осталась. — Ли Чжи помрачнел, не договорил, но Линь Чаошэн и так понял.